

УДК 34 (09)

Д.А. Савченко

ОХРАНА ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ПО ЛИТОВСКОМУ СТАТУТУ 1566 г.

В статье рассматриваются правовые средства охраны и защиты основ политического строя и безопасности Великого княжества Литовского, закрепленные в нормах Литовского статута 1566 г. Отмечается, что Литовский статут 1566 г. стал первым в истории права кодифицированным законодательным актом, в котором сделана попытка реализовать принцип «нет преступления и нет наказания, без указания о том в законе». Авторы Статута постарались исчерпывающим образом предусмотреть систему уголовно-правовых норм, которые регламентировали ответственность за «оскорбление государева величия» и иные преступления против государства. Нормы об охране политического строя от преступных посягательств были частью законов, закреплявших принцип государственного суверенитета. При формулировании соответствующих предписаний широко использовался римский и византийский правовой опыт, адаптированный к особенностям Великого княжества Литовского. Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Литовский статут, наказание, «оскорбление величия», измена.

В последние десятилетия активизировались исследования истории Великого княжества Литовского – государства, игравшего важную роль в жизни средневековой Европы и оказавшего значительное влияние на историю России. Однако многие вопросы до сих пор остаются невыясненными. Так, не до конца изучены правовые средства охраны и защиты основ политического строя Великого княжества Литовского, которые получили оригинальное закрепление в кодифицированном законодательном акте – Литовском статуте.

Как известно, не все русские земли, ранее входившие в состав Киевской Руси, стали частью Московского государства. Территории западных русских княжеств, включая Киев, принадлежали Великому княжеству Литовскому. Оно представляло собой крупное феодальное государство с высоким экономическим, культурным и военным потенциалом. С 1385 г. Литва установила личную унию с Польшей. В 1501 г. политическая уния Литвы и Польши была подтверждена, после чего их отношения еще более окрепли.

Литовское право характеризовалось высоким уровнем своего развития. В отличие от Московского царства, где ведущим источником права был «закон изустный, т.е. воля царя, судей...» [3. С. 61], их религиозно-правовое сознание, в Литве приоритет принадлежал «праву писанному», то есть нормативно-правовым актам.

Основу правовой системы Литвы начала XVI в. составляли Судебник 1468 г. (Судебник Казимира) [4. С. 336–340.] и Статут Великого княжества Литовского 1529 г. (Первый Литовский статут).

11 марта 1566 г. великим князем был утвержден новый Статут (Второй Литовский статут). Он был создан после того, как «князья, паны, шляхта,

бояре и все рыцарство обыватели» заявили королю Польши, который в силу унии был одновременно великим князем Литовским, о необходимости нового статута. Обновление Статута стало важным элементом экономических, социальных и военных реформ, проводившихся в Литве в 50–60-х гг. XVI в.

Для выработки нового статута в 1551 г. было решено создать комиссию из 10 человек – 5 католиков и 5 православных [5. Т. 2. С. 632; 6. С. 8–9; 7. Т. 3. С. 32]. В последующем работу над проектом статута возглавил канцлер Великого княжества (1550–1565 гг.) Николай Радзивилл. Непосредственное руководство осуществлялось писарем великим литовским (1551–1566 гг.) и земским подскарбием Остафием Воловичем [5. Т. 1. С. 382–383; 8. С. 3–15]. Н. Радзивилл и О. Волович были протестантами, руководителями реформационного движения на землях Великого княжества Литовского.

Проект статута был передан на рассмотрение сейма в 1561 г. и одобрен 1 июля 1564 г. В Бельском привилее 1564 г. указывалось, что к подготовке статута были привлечены лица, хорошо знавшие иностранное законодательство: «доктори прав чужоземских, которые заседши не одно поправили тот статут старый, але теж новым кшталтом некоторые розделы... становили и написали» [6. С. 26; 9. С. 530].

Для членов комиссии важным научным подспорьем служили труды средневековых глоссаторов и постглоссаторов. В их основанных на римском и каноническом праве комментариях, по замечанию Н.А. Максимейко, «была изложена вся юридическая мудрость того времени». Они имели характер «общечеловеческий» [6. С. 28].

Особенно заметное воздействие на правосознание составителей статута оказывали, вероятно, работы немецких юристов, которые толковали римское право, при этом приспособивая его к условиям средневековой Европы. Созданное таким образом право Германской империи¹ завоевало высокий авторитет в Польше, а затем и в Литве. При этом в Литве использовались прежде всего те изложения и комментарии немецких источников, которые давали польские авторы.

В частности, как установил Н.А. Максимейко, при подготовке Литовского статута 1566 г. могли использоваться созданные в Польше в первой половине XVI в. переработки (комментарии) Саксонского зеркала и Каролины. Саксонское зеркало («Саксон») было известно в Литве в переработке («латинской переделке») Николая Яскера, изданной в Кракове в 1535 г. на латинском языке², а также в польском алфавитном издании 1551 г. королевского секретаря Павла Щербича. В 1565 г. была издана польская переработка (по выражению А.О. Кистяковского – «вольная передача на польский язык») Каролины [6. С. 162].

¹ В Германской империи с конца XV в. римское право было объявлено действующим правом страны [9. С. 522].

² После того как Саксонское зеркало было распоряжением короля Сигизмунда I от 2 октября 1535 г. объявлено законом, подлежащим применению в городских и сельских судах, работа Н. Яскера («*iuris provincialis quod Speculum Saxonum vulgo nuncupatur libri tres*») получила статус официального юридического источника [12]. Отметим в этой связи, что католическая церковь не допускала использования канонических текстов церковных и светских законов в переводе на местные языки.

Вместе с тем составители статута из числа православных христиан наверняка хорошо знали «законы греческих царей», прежде всего Эклогу и Прохирон, включенные в греческие Номоканоны и соответственно в славянские Кормчие книги.

Литовский статут 1566 г. воплотил ряд новых правовых идей, многие из которых опережали свое время. Как следует из Бельского привилея 1564 г., авторы статута провозгласили приверженность принципам справедливости, гуманизма («над все наследуючи приказанье божое, которое учит милovati ближнего своего яко себе»), единства права.

Статут¹ представлял собой систематизированное собрание законодательных актов. Он имел собственную оригинальную структуру, в основу которой были положены новые принципы суверенитета государства (в противоположность средневековому космополитизму) и приоритета утвержденного государем «писаного права» (вместо «христианских прав»).

В Статуте 1566 г. было 14 разделов и 367 артикулов². Первые три раздела охватывали нормы государственного, военного и административного права, раздел IV – судостройство и судебный процесс, V–VI – семейное и опекуновское право, VII–IX – гражданско-правовые нормы, X – лесное и полевое право, XI–XIV – уголовное право.

В Статут вошли нормы государственного (конституционного) права, чего в то время еще не было в законодательной практике других государств. Основы политического строя и безопасности государства были зафиксированы в разделе I «О персоне нашей государевой» (35 артикулов), в разделе II «Об обороне земской» (27 артикулов) и в разделе III «О вольностях шляхетских и о расширении Великого княжества Литовского» (51 артикул). Нормы Статута закрепляли верховенство государя («маестат господарский»), права и свободы шляхты, единство государства, его территориальную целостность и неприкосновенность.

Нормы о наказаниях (уголовно-правовые и уголовно-процессуальные) были систематизированы в основном в разделах XI–XIV в соответствии с сословной принадлежностью потерпевшего. Так, раздел XI был посвящен ответственности за посягательства на шляхтичей, а раздел XII – за посягательства на «людей простых». В то же время немало уголовно-правовых норм было закреплено и в других разделах Статута в соответствии с объектом их уголовно-правовой защиты.

В целом Статут 1566 г. отличался подробным перечислением наказуемых деяний³ и детальным описанием их разновидностей и признаков. Это было связано с закрепленным уже в первом артикуле первого раздела Статута 1566 г. обязательством государя обеспечить «единое право» для всех полноправных жителей в соответствии с их сословным положением и признанием приоритета «писаного права». Великий князь Литовский провозглашал:

¹ От лат. *statutum* – постановление, правило [13. С. 509]. Этот термин часто применялся в Польше для обозначения законодательных актов [6. С. 1].

² От лат. *articulus* – 1) отделение; 2) часть предложения, слово; 3) статья закона, отдельное законоположение; 4) юридический случай; 5) предварительное решение; 6) момент [13. С. 61].

³ Для обозначения понятия «преступление» в Литовском статуте употреблялись термины «выступ», «злочинство», «кривда», «шкода», «збыток», «квалт», «вина» [14].

«Прежде всего мы, государь, обещаем и обязуемся... что всех... этими правами и артикулами, в том же статуте ниже писанными и от нас данными, будем судить и действовать («судити и справовати»)). И.А. Малиновский в этой связи отмечал, что если в Статуте 1529 г. «законодатель, сознавая неполноту «писаных прав», указывает судьям на обычай, как на дополнительный источник права, то Статут 1566 г. «признает источником права только закон и не упоминает об обычае» [14].

Таким образом, в Статуте 1566 г. впервые была сделана попытка практически реализовать один из главных прогрессивных принципов учения о наказаниях – принцип «Нет преступления и нет наказания без указания о том в законе», который до этого лишь теоретически провозглашался и отстаивался профессорами итальянских, немецких и польских университетов. Во втором артикуле первого раздела, где обещалось никого не наказывать без «суда явного», было записано: «...и после такого рассмотрения виновные должны быть наказаны наказанием, указанным в ниже описанных артикулах»¹.

Нормы, посвященные защите от преступных посягательств основ политического строя и безопасности государства, стояли в Статуте 1566 г. особняком от основной массы уголовных законоположений [16. С. 103]. В отличие от кодификации римского права², в Литовском статуте они были закреплены уже в первом разделе. Это свидетельствует о том, что литовский законодатель рассматривал соответствующие нормы в качестве неотъемлемой части законов, определявших основы политического строя и закреплявших принцип государственного суверенитета, воплощенного в «персоне государевой».

В обобщенной форме преступления против государственного суверенитета в Статуте обозначались как «оскорбление нашего государева величия» («ображенье маестату нашого господарского»).

Понятие «оскорбление величия» было заимствовано из римского права (от лат. *crimen maiestatis*). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что рецепция понятия в данном случае сопровождалась и заимствованием соответствующего латинского термина. Как известно, Статут был написан на старобеларусском языке, русская правовая лексика составляла его основу. Как отмечал И.А. Юхо, «в отличие от Западной Европы, где пользовались римским правом, изложенным на непонятном для многих латинском языке, текст Статута был понятен подавляющему большинству местного населения» [9. С. 28].

Но если для латинского термина «*crimen*» в русском языке нашелся соответствующий аналог – «оскорбление» («ображенье», «зражене»), то в отношении термина «*maistatis*» наблюдалась иная ситуация. Слово, которое бы в полном объеме отражало содержание этого римского понятия (*maiestas* – дос-

¹ Как законодательная норма обещание не карать никого без суда закреплялось уже в Статуте 1529 г., а еще ранее – в привилегиях Полоцкой и Витебской землям, земских привилегиях 1434, 1447, 1492 гг. [9. С. 351, 548]. Обязательство применять наказания только на основании соответствующих правовых норм и процедур закреплялось, в частности, в Уставной грамоте жителям Киевской земли: «...а без права нам людей не казнити, а ни губити, а ни имений не отнимати... виноватого по его вине казнити» [15. С. 55].

² В Дигестах Юстиниана соответствующие нормы, наряду с иными уголовными законами, были кодифицированы в 48 и 49 книгах.

тоинство, величие, святость, а) бога; б) народа, государственных учреждений [13]), в русском (старобеларусском) языке не было. Поэтому для обозначения исходящего от бога и выражающего интересы всего народа абсолютного, высшего приоритета¹ была использована русифицированная транскрипция латинского термина – «маестат».

В то же время в Древнем Риме понятие «*maistatis*» первоначально характеризовало величие и святость бога, затем – величие всего римского народа² и лишь в последующем стало характеризовать величие монарха (императора), получившего от бога власть и право выражать интересы всех римлян. Такая же сложная структура понятия «*maistatis*» сохранилась и в польском «Саксоне» Н. Яскера. В Литовском статуте понятие «маестат» (величество, верховенство) применяется только в отношении монарха («маестат господарский») как отражение его особого статуса и прерогатив. «Монарх считался наместником бога на земле и всякое деяние против него рассматривалось как ущемление его власти и авторитета» [9. С. 548]. Таким образом, «величие государево» («маестат господарский») рассматривалось как важнейший, основополагающий элемент суверенитета монарха и его государства, а «оскорбление государева величия» – как посягательство на государственный суверенитет.

Понятие «оскорбление государева величия» было закреплено уже в Литовском статуте 1529 г. Однако его содержание в этом правовом акте не раскрывалось. Оно должно было трактоваться на основе положений римского права. Ведь уже в преамбуле Статута его издание объяснялось желанием «короля польского и великого князя литовского, русского... и других» одарить своих подданных «христианскими законами». А в первом артикуле закреплялось обязательство монарха «наказывать каким-либо денежным штрафом, смертной казнью или тюрьмой, или конфискацией имущества» только после того, как «в соответствии с установлениями христианского права окончательно была бы доказана их вина ... согласно обычаю христианских прав, они должны быть приговорены и наказаны в соответствии с тяжестью их преступлений». Под христианским правом в его католическом истолковании понимались основанные на римском праве нормы, применяемые в Германии и Польше³.

В то же время составители Литовского статута 1529 г. были вынуждены косвенно констатировать, что древнеримское понятие «оскорбления величия» в конкретных условиях средневековой феодальной монархии – Велико-го княжества Литовского – нуждается в дополнении. Поэтому во втором артикуле Статута был закреплен состав особой разновидности «оскорбления государева величия», не известной римскому праву, – побег подданного «из нашего государства в землю наших неприятелей». Расширительное толкова-

¹ От лат. *magis* – более (в знач. преимущество) [10. С. 327].

² По определению Ульпиана, «преступлением против величия является то, которое совершается против римского народа или его безопасности» (*Dig.* 48.4.1).

³ В первом земском привилее 1387 г. после унии с Польшей и принятия литовцами христианства по католическому обряду декларировалось представление литовскому боярству ряда прав, которыми пользуется шляхта в Польше. Но уже в земском привилее 1434 г. вместо прав, которыми пользуется шляхта в Польше, упомянуто право христианских государств [9. С. 244].

ние *crimen maiestatis* и приравнивание к нему бегства на сторону врага имело место и в «Саксоне» Н. Яскера [6. С. 163]. Отметим, что ранее запрет отъезда в неприятельскую землю под страхом лишения имения был закреплен в польском Вислицком статуте 1347 г. Применительно к Великому княжеству Литовскому такой запрет был предусмотрен в Уставной грамоте жителям Киевской земли 1507 г.: «...только в неприятельскую землю не ехати против нас и наше земли» [12. С. 55].

В отличие от Первого литовского статута, Статут 1566 г. не просто упоминал об «оскорблении государева величия» с указанием одной из разновидностей этой категории преступлений, но и достаточно подробно описывал его формы. Здесь впервые была дана исчерпывающая характеристика всех преступлений против государя и государства.

Содержание понятия «оскорбление государева величия» раскрывалось в артикуле 3 раздела I Статута 1566 г. («О ображенье маестату господарского так се разумееть...»)¹.

На первом месте здесь было названо *посягательство на жизнь и здоровье государя* («оскорбление государева величия» в узком смысле слова). Преступлением признавались заговор, скоп или бунт «на здоровье государево» («колибы хто змову албо спикненье албо бунт учинил на здоровье наше господарское»). Особо подчеркивалось, что «оскорблением государева величия» признается уже сам заговор, независимо от фактической реализации намерений заговорщиков («хотя бы пан бог уховал, иж бы оная змова не была учинком пополнена»).

Обратим внимание на то обстоятельство, что описание этого преступления в Статуте 1566 г. по своей конструкции было очень схоже с нормой византийского права, закрепленной в Эклоге (XVII. 3). Там предписывалось предать смерти «поднимающего восстание против императора или злоумышляющего, или принимающего участие в заговоре против него или против государства христиан... как намеревающегося все разрушить» (в Литовском статуте – «заговор, скоп или бунт на здоровье государево»). Оно выгодно отличалось от расплывчатой формулировки «Саксона» Н. Яскера, под которую могло подпадать любое выступление или действие против государя («*orponendo et moliendo contra principem*»).

К «оскорблению государева величия» Статут 1566 г. приравнивал еще одну группу преступлений. Речь шла о *посягательствах на основы социально-политического устройства* государства. Сюда относились:

во-первых, *бунт*, т.е. восстание против великого князя Литовского как деяние, направленное против властных полномочий монарха и основ общественной безопасности. Преступником признавался тот, «кто, нарушая общий покой, *бунтовал* против нас, государя, и во вред обществу («речи посполитое»);

во-вторых, деяния против экономических полномочий монарха и основ экономической безопасности. Преступником в этой части объявлялся тот, кто

¹ Юридический прием, при котором все виды «оскорбления величия» излагаются в одном артикуле как своеобразное разъяснение основного понятия, был, вероятно, заимствован авторами Статута из «Саксона» Н. Яскера [6. С. 163].

«открыто чеканил монету («мынцу бил») без нашей воли». Преступление заключалось в самовольном присвоении принадлежащего верховной власти права чеканить и пускать в обращение монету. Явный, открытый характер деяния (в отличие от фальшивомонетничества) подчеркивал его направленность против основ политического строя [11. С. 64];

в-третьих, вооруженная попытка государственного переворота, т.е. посягательство на установленный в Великом княжестве Литовском порядок получения верховной власти с использованием незаконно собранного войска. Виновным в этом преступлении объявлялся тот, кто «после смерти государя, а также потомков наших королей польских и великих князей литовских, желая кто захватить и овладеть («осести и опановати») этим государством Великим княжеством и государем на нем стать, и *войско, служилых людей собирал и вел*». Как отмечал И.А. Малиновский, преступное намерение здесь «направлено на захват верховной власти; для бытия преступления достаточно внешних действий (собрание военной силы), обнаруживающих преступный умысел». Законодатель в данном случае имеет в виду попытку устранить короля Польши от престола Великого княжества Литовского: в силу унии Польши и Литвы король польский был в то же время великим князем Литовским [11. С. 63].

Наконец, к «оскорблению государева величия» в Статуте были отнесены еще три преступления. Все они заключались в различных формах *содействия внешнему врагу* – военному неприятелю великого князя Литовского.

В первую очередь Статут указывал на сношения (договоренности) с врагом и информационную *помощь военному противнику* (советы, предостережения), оказываемую через письма или агентов («послов»). Преступником признавался тот, кто «с врагами нашими договоренность имел («з неприятельми нашими порозуменье мел»), письма к ним или послов, советуя против нас, государя, и общества («речи посполитое»), либо остерегая, посылал, тем самым неприятелям какую помощь давал».

Далее в Статуте была названа *сдача противнику крепости* (замка). За «оскорбление государева величия» наказывался тот, кто «замок наш неприятелю изменой отдал («здрадою подал»)».

Наконец, преступником признавался тот, кто «людей неприятельских в государство («паньство») наше Великое княжество Литовское предательски («зрадливе») привел».

Судя по тексту Статута, именно два последних случая рассматривались как государственная измена («зрада») в собственном, узком смысле слова, аналогичном «*perduellio*» римского права.

Наказание за «оскорбление государева величия» предусматривалось в том же артикуле 3 раздела I Статута. Оно включало три элемента:

1. Лишение всех прав, связанных с сословной принадлежностью виновного («честь тратить»).
2. Смертная казнь («горло тратить»).

3. Конфискация недвижимого имущества («именя тратить»)¹. По любопытному предположению А.Л. Хорошкевич, «Статут, с его жесткостью решения вопроса об имуществе, в первую очередь о земельных владениях, – порождение своего государства, давно уже испытывавшего земельный голод» [14. С. 56].

«Оскорбление государева величия» влекло за собой наказание не только самого изменника, но и его родственников. Это была единственная категория преступлений, в отношении которой Статут сохранял подходы римского и византийского права и делал исключение из общего принципа личной ответственности. В артикуле 14 раздела I Статута 1566 г., озаглавленном «Не должен никто ни за кого терпеть, только каждый сам за себя», было установлено: «...желаем иметь, чтобы ни отец за сына, а ни сын за отца, кроме оскорбления величия нашего», «как выше о том описано ...не был наказан...». Статут 1566 г. установил ответственность детей изменника: «сынове зрадцы за таковыи выстук отца своего безецными будут» [1. С. 152]. Дети и родственники лишались прав на имущество виновного в «оскорблении величества»: «...а именья того зрадцы отчызные выслужонные которым кольвек обычаем набытые мимо дети и близкие на нас господаря приходят».

В отличие от «градских законов греческих царей», закреплявших единоличный порядок разрешения царем соответствующих дел, по Литовскому статуту рассмотрение дел об оскорблении величия осуществлялось великим князем Литовским совместно с панями-радой на сеймах. В части 1 артикула 4 раздела I Статута по этому поводу говорилось: «Ведь же в том преступлении («выступе»), касающемся оскорбления величия нашего государева... таковых шляхту, подданных наших, ни в каком другом месте, только на общем сейме великом с панями-радами нашими Великого княжества Литовского мы, государь, будем судить и в соответствии с преступлением («подле выступу») каждого их тем наказанием, как выше написано, наказывать прикажем».

Система норм Статута 1566 г. об ответственности за «оскорбление государева величия» включала положения, стимулирующие и поощряющие сообщение (донос) о подготавливаемом преступлении. Артикул 4 раздела I Статута устанавливал: «А кто бы во время перед преступлением, любя господа бога и государя своего... справедливо предостерег или объявил таковые дела, тот будет иметь нашу государеву милость и будет достоин повышения чести». Однако наказания за недонесение о подготавливаемом посягательстве Статут специально не предусматривал. Ответственность распространялась только на «прикосновенных» к «оскорблению государева величия» членов семьи преступника.

В то же время Литовский статут много внимания уделяет ответственности за ложный донос о преступлении. Уже в Статуте 1529 г. закреплялось общее правило: «...если бы кто оговорил... кого-нибудь и обвиняемый должен был бы подвергнуться бесчестью или смертной казни, или конфискации имения, или какому-либо другому наказанию, тогда тот, кто оговорит друго-

¹ О том, что типичным наказанием за преступления против государя является смертная казнь с конфискацией имущества, было прямо указано в Уставной грамоте жителям Киевской земли: «...а хто будет што заслужил, тот тое утерпеть, выменяя зрадцы, хто иметь на нас лихо мыслити, а любо на землю нашу, того казнити шыєю и именем» [12. С. 55].

го, но не представит доказательств, сам должен понести такое наказание». Это положение было воспроизведено в артикуле 2 раздела I Статута 1566 г.

Кроме того, в первом разделе Статута 1566 г. появляется специальный артикул 5, посвященный порядку доказывания «оскорбления государева величия». В нем особо подчеркивается, что «в оскорблении нашего величия не по любому дознанию или оговору («неледа за осоченьем або обмовеньем») будем привлекать торопливо наших подданных». Доказывание должно осуществляться в таком же порядке, «как в каждом преступлении, за которое наказывают смертью», где «требуются доказательства явные и ясные». При этом Статут еще раз специально указывает на ответственность за неподтвержденный донос: «А если бы кто кого оговорил в том поступке, а особенно если бы обвинил, что на здоровье государя посягал или государству изменить и к упадку привести хотел, и к этому готовился и покушался («усажал»), а такой обвинитель («поведач») и следствие если бы таким явным доказательством («сведечеством») не доказал, сам по суду должен быть наказан лишением чести и смертью («отсуженьем почстивости и горлом»)».

Наряду с «оскорблением государева величия» в первом разделе Литовского статута указывалось еще несколько преступлений, которые расценивались как посягательство на «персону государеву».

Как отмечалось ранее, уже в Статуте 1529 г. (раздел I артикул 4) была закреплена система правовых последствий побега подданного «из нашего государства в землю неприятелей»: лишение чести и конфискация имущества. Их источником послужила изданная в 1509 г. «устава, до двух год ухвалена, на тех, кто бы зраду под господарем вчинил». Это был временный закон, в значительной степени обязанный своим появлением, по предположению Н.А. Максимейко, измене Михаила Глинского во время войны с Великим княжеством Московским. В соответствии с этой «уставой», в частности, права детей изменника на отцовское имение, как и права братьев изменника на ту часть имущества, которая пришлась бы им при разделе его, зависели от усмотрения государя [6. С. 84].

Статут 1566 г., сохранив установленную ранее систему наказаний за *отъезд к неприятелю*¹, существенно уточнил и дополнил правовую оценку таких деяний.

Напомним, что в Статуте 1529 г. речь шла о любом побеге в неприятельскую землю независимо от его целей. В то же время по римскому праву наказанию подлежал сговор с неприятелем, а не переезд на его территорию. Вероятно, и судебная практика Великого княжества Литовского сталкивалась со сложностями при обосновании ответственности как самого отъехавшего за границу, так и его родственников. Да и понятие «неприятельские земли» не всегда было достаточно определенным в условиях, когда состояние «войны – перемирия – мира» с соседями изменялось довольно часто. А ведь само право

¹ Сыновья, жившие совместно с отцом, не теряли чести, как в случае «зрады», но лишались имущества, которое предназначалось «до столу нашего господарского» [14. С. 58]. Выделенные от отца дети лишались имущества в том случае, если знали о преступном замысле отца. Нераздельные братья изменника сохраняли права на следовавшую им долю имущества, если не знали о его намерениях [6. С. 84].

выезда во всякие земли, кроме «земель наших неприятелей», Статутом закреплялось и считалось незыблемым.

В этих условиях составители Литовского статута 1566 г. посчитали необходимым уточнить понятие «неприятельские земли». В соответствии с артикулами 7 и 11 раздела 1 к ним были отнесены «земли неприятеля нашего Московского», а также «земли неприятельские поганские», т.е. нехристианские. Земли государей Центральной и Западной Европы в качестве неприятельских не рассматривались.

Кроме того, в Статуте 1566 г. в качестве оснований ответственности за выезд в неприятельскую землю (как и в польском Вислицком статуте 1347 г.) дополнительно указаны специальная изменническая цель отъезжающего («умысел злой на зраду») и специальная направленность деяния во вред государю («ку шкоде нам господарю») и государству. Изменнический умысел понимался в первую очередь как намерение «людей неприятельских в государство наше привести». Кроме того, он мог трактоваться и в более широком смысле – как намерение оказать неприятелю какую-либо иную помощь.

Таким образом, отъезд в неприятельскую землю в Статуте 1566 г. расценивался как своеобразное приготовление к измене и причинению вреда государю и государству. Именно в этом случае того, кто «утек до земли неприятеля», Статут называет изменником («здрайцей»).

Статут 1566 г. (I. 11) давал право любому подданному убить либо задержать и доставить органам власти убегающего в неприятельскую землю изменника. За пресечение побега при подтверждении обвинения задержанного или убитого в измене полагалось вознаграждение («будет годе ласки нашего господарское»). В то же время Статут еще раз специально указывал на то, что недоказанное обвинение в измене влекло наказание, аналогичное предусмотренному для самих изменников.

Наряду с «оскорблением государева величия» и побегом в землю неприятелей в первом разделе Литовского статута были указаны и иные преступления, оцениваемые как опасные для «персоны государевой», которые при этом не влекли за собой конфискации недвижимого имущества нарушителя и ответственности членов его семьи.

Так, уже в Статуте 1529 г. (I. 23) наказание в виде шести недель тюрьмы устанавливалось для тех, «кто бы противился... великокняжескому приговору». Эта норма в несколько измененной форме («против тому выроку нашому по сказанью што против его мовити мел») была закреплена в Статуте 1566 г. (I. 27).

Наказание в виде сожжения на костре Статут 1529 г. (I. 5) предусматривал за подделку великокняжеских листов и печатей, а равно за использование заведомо поддельных документов. Эта норма в более детальном изложении была зафиксирована в Статуте 1566 г. (I. 12). Здесь были предусмотрены следующие преступления:

- а) составление подложных грамот от имени монарха и подделка государевой печати («коли бы хто листы або печати наши фалшовал»);
- б) подделка на документах подписи государя и должностных лиц;

в) незаконное использование печатей государя и государственных учреждений.

Указанные преступления влекли за собой смертную казнь через сожжение.

Кроме того, преступлениями признавалось совершение в документах подделки, срывание печатей с одних документов и приложение их к другим с корыстной целью, а также использование заведомо ложных документов, удостоверяющих право собственности. Эти деяния карались смертной казнью через повешение [11. С. 70].

Кроме того, Статут 1566 г. (I. 13) специально выделил норму о «смертной казни огнем без милосердия» фальшивомонетчиков, а также недобросовестных «мастеров монетного дела» и ювелиров, уличенных в подделке золота и серебра¹.

Уже Статут 1529 г. (I. 6) предусмотрел смертную казнь тому, кто оскорбил (совершил насилие, ранил или побил) «великокняжеского вранника или посланца» – «как если бы оскорбил наше великокняжеское достоинство»². Второй литовский статут (I. 20), сохранив в разделе 1 «О персоне нашей государевой» указание на этот вид преступления (правда, только в отношении посланца или возного, не упоминая вранника), уже более дифференцированно подошел к наказанию за него. Так, избивание посланца или возного и разрывание листов влекло за собой не смертную казнь, а заключение в замке на двенадцать недель.

Статут 1566 г. (I. 22) установил особое правило в целях предупреждения совершения преступлений со стороны лиц, не имеющих постоянного места жительства и недвижимого имущества («неоседлых»). Любая угроза, высказанная таким «неоседлым» в адрес другого лица, наказывалась двенадцатью неделями заключения в замке. Более того, и по истечении указанного времени «угрожатель неоседлый» мог быть выпущен только под поручительство («рукоемство»), гарантирующее безопасность тому, кому была высказана угроза.

Завершало первый раздел Литовского статута правило о наказании за нарушение запрета «становиться на постой по великокняжеским дворам», пользоваться хранящимися там продуктами и ловить рыбу «в наших садках». По Статуту 1529 г. (I. 26) это преступление влекло за собой штраф («двенадцать рублей грошей») и возмещение ущерба. По Статуту 1566 г. (I. 30) вместо штрафа устанавливалось заключение в замке на срок двенадцать недель.

Таким образом, Литовский статут 1566 г. в первом разделе «О персоне нашей государевой» закреплял достаточно развитую систему норм о преступлениях, непосредственно затрагивающих интересы государя. К ним относились в первую очередь семь форм «оскорбления государева величия», а также

¹ В Польше смертная казнь и конфискация имущества за подделку монет были предусмотрены Коронной конституцией 1527 г. [15. С. 43]. О назначении сожжения за подделку монеты говорилось и в «Саксоне» Н. Яскера [6. С. 164–165].

² Польский король Сигизмунд I в Коронной конституции 1510 г. утвердил правило, в соответствии с которым «кто на сенатора в дороге, в деревне или в городе напасть отважится, таковой яко оскорбитель величества наказан быть должен». Но уже в 1539 г. тот же король отменил подобное приравнивание и велел наказывать нападение на сенатора на основе общих правовых предписаний [15. С. 57].

иные преступления, создающие угрозу государственной и общественной безопасности.

Ряд преступлений, подрывающих основы военной безопасности государства, был предусмотрен в иных разделах Литовского статута. Так, во втором разделе «Об обороне земской» были установлены последствия (конфискация имущества) невыполнения воинской обязанности («яко бы войны не служил»), а также бегства с поля боя («якобы з битвы утек»).

Кроме того, Статут установил ряд предупредительных норм, имевших целью исключить неконтролируемое перемещение организованных групп вооруженных людей по территории государства. Так, артикул 25 раздела 2 Статута закрепил правило о том, что людей, прибывших и приглашенных для участия в войне из-за границы, «принимать и вести в государство наше Великое княжество Литовское и через то государство, не должны, кроме как с ведома и по совету панов-рад наших». Все солдаты «не должны иными дорогами и в иное место направляться и на постой располагаться, только там, где мы, государь, или гетман великий... укажет».

Литовский статут 1566 г. (Ш. 41) закрепил правило, направленное против вывоза за границу военного снаряжения. Оно рассматривалось как вызванное интересами военной безопасности государства ограничение свободы торговли. Под угрозой смертной казни, а также конфискации товаров и всего имущества подданным Великого княжества Литовского запрещалось выпускать или вывозить за границу, а равно продавать иностранцам («послам») товары, «с чего бы неприятель усиливаться мог». К ним в Статуте были отнесены «всякое оружие, железа, ножи, стрелы и всякое иное военное снаряжение». Как отмечал И.А. Малиновский, нарушение этого запрета рассматривалось в качестве «содействия укреплению неприятеля» [11. С. 66].

Нельзя не заметить, что указанная норма Литовского статута была не чем иным, как адаптированным к условиям XVI в. правилом византийского Прохирона (XXXIX. 9). Это правило устанавливало смертную казнь для тех, кто продавал «варварам» оружие и материалы для его изготовления.

Таким образом, подготовленный учеными-правоведами Литовский статут 1566 г. стал первым в истории права кодифицированным законодательным актом, в котором была сделана попытка реализовать принцип «Нет преступления и нет наказания, без указания о том в законе». На его основе авторы Статута постарались исчерпывающим образом предусмотреть систему правовых средств защиты политического строя и безопасности государства от преступных посягательств. Она включала государственно-правовые, уголовно-правовые и процессуальные нормы, тесно взаимосвязанные между собой.

При формулировании соответствующих норм составители Статута («докторы прав чужоземских») широко использовали римский и византийский правовой опыт (на основе трудов немецких постглоссаторов и византийских сборников «законов греческих царей»), адаптированный к экономическим, социальным и политическим особенностям Великого княжества Литовского.

Система законодательных предписаний, сформулированная в Литовском статуте 1566 г. и затем дополненная и уточненная в Литовском статуте 1588 г., многие десятилетия оставалась правовой основой определения властями Польско-Литовского государства наказаний за «оскорбление государе-

ва величия» и измену, за иные посягательства на суверенные права «персоны государевой», на интересы военной безопасности государства.

Законодательный опыт Великого княжества Литовского в последующем был использован в Московском царстве при создании Соборного уложения 1649 г.

Так, при определении порядка изложения правовых предписаний авторы Уложения не стали воспроизводить ни систему Судебников XVI в., ни систему известных на Руси памятников византийского права – Эклоги и Прохирона. Они взяли за основу те принципы юридической систематизации, которые были реализованы в Литовском статуте 1566 г.

Это проявилось, в частности, в определении места норм об ответственности за посягательства на основы политического строя. И в судебныхниках, и в византийских памятниках они были расположены в конце законодательных актов вместе с иными уголовно-правовыми нормами. В Литовском статуте соответствующие правила были закреплены уже в первом разделе, посвященном статусу главы государства и основам государственного строя. Именно такой подход мы наблюдаем и в Уложении 1649 г.

Влияние Литовского статута заметно и в нормах Соборного уложения, которые описывали отдельные виды государственных преступлений. Одним из них была сдача города неприятелю (ст. 3 гл. II Уложения). Соответствующее положение продолжило традицию Судебника 1550 г., установившего смертную казнь для «градского здавца». В то же время под воздействием Литовского статута в Уложении были указаны две формы этого преступления. Первая из них проявлялась в действиях тех, «кто царского величества недругу город здаст изменою» (в Статуте: «замок наш неприятелю здрадою подал»). Вторая форма в Уложении была описана следующим образом: «...кто царского величества в города примет из иных государств зарубежных людей для измены же» (в Статуте: «хтобы теж люди неприятельские в панство наше здродливо привел»). В данном случае обе формулировки Уложения 1649 г. почти дословно воспроизводили положения Литовского статута.

Использование реализованных в Статуте законодательных конструкций и принципов позволило авторам Соборного уложения серьезно модернизировать нормы о наказаниях за посягательства на основы политического строя Московского царства. Соответствующие предписания Уложения 1649 г. на протяжении почти двух веков оставались основой российского законодательства о государственных преступлениях.

Литература

1. Демченко Г.В. Наказание по Литовскому статуту в его трех редакциях (1529, 1566, 1588 гг.). Киев, 1894. Ч. 1. 276 с.
2. Тальберг Д.Г. Насильственное похищение имущества по русскому праву. СПб.: Тип. В.С.Балашева, 1880. 206 с.
3. Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1905. XXII. 138 с.
4. Старостина И.И. Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1988–1989 гг. М., 1991. С. 170–344.
5. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 3 т. / рэд. Г.П. Пашкоў і інш. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005. Т. 1: Абаленскі – Кадэццыя. 684 с. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. 788 с.

6. *Максимейко Н.А.* Источники уголовных законов Литовского статута. Киев, 1894. 186 с.
7. *Акты*, относящиеся к истории Западной России. Т.3. 1544–1587 гг. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. 353 с.
8. *Саверчанка І.* Астафей Валовіч (Гісторыка-біяграфічны нарыс). Мінск, 1992. 92 с.
9. *Статут* Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск: БелСЭ, 1989. 573 с.
10. *Дыдынскіі Ф.М.* Латинско-русский словарь к источникам римского права: По изданию 1896 г. М., 1998. 372 с.
11. *Малиновский И.А.* Учение о преступлении по Литовскому статуту. Киев, 1894. 230 с.
12. *Уставная* подтвердительная Грамота жителям Киевской области, 1507 г., декабря 8 // Хрестоматия по истории русского права. СПб.; Киев: Изд. Н.Я. Оглоблина, 1887. Вып. 2. С. 54–61.
13. *Савченко Д.А.* Нормы о наказаниях за государственные преступления в Литовском статуте // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2004. Ч. 20. С. 103–106.
14. *Хорошкевич А.Л.* «Здрада» Статута Великого княжества Литовского 1588 г., «измена» Соборного Уложения 1649 г. и демографическая политика восточно-европейских государств конца X – начала XVII вв. // Третий Литовский статут 1588 года: материалы конф. Вильнюс, 1989. С. 54–62.
15. *Статут* Великаго Княжества Литовского с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию онаго. СПб., 1811. Ч. 1. XXII. 483 с.
16. *Статут* Великого княжества Литовского 1566 г. Поправки Статутовые // Временник императорского Московского общества древностей российских. Кн. 23: Материалы. М., 1855. С. 1–242.